

Д. А. ВОВК,
кандидат юридических наук
(Харьков)

**Право как мера человеческой несвободы
в романах-антиутопиях: литературные образы
и способы описания (по произведениям Р. Брэдбери,
Е. Замятина, Дж. Оруэлла, О. Хаксли¹)**

Конструирование социального мира антиутопий всегда предполагает определенную политико-правовую составляющую. Независимо от того, является ли эта тема основной (как у Оруэлла) или только создает фон повествования (как у Брэдбери), государство и право выступают важными элементами и одновременно индикаторами того, что происходит с обществом, воплотившим в жизнь тоталитарный концепт. При этом если политическая реальность антиутопий в ее образах и приемах описания не раз выступала предметом философского и научного анализа (например, «Власть и представление» литовского философа и культуролога Л. Донскиса²), то внимание к антиутопической модели права всегда было значительно меньше. Такая ситуация представляется странной, поскольку антиутопия, по замечанию Д. Норта, Д. Уоллиса, Б. Вайнгаста, — это всегда конкретное описание социального зла³, и в этом смысле изучение образа права, созданного писателями-антиутопистами, может быть значительно интересней и плодотворней, нежели осмысление столь любимых философами права умозрительных утопических проектов.

Во избежание смысловых неочевидностей и для корректности восприятия дальнейших рассуждений отдельно отметим два момента. Во-первых, под «антиутопическим правом» или «правом антиутопий» мы понимаем право в том виде, как оно показано в произведениях соответствующего литературного жанра, т. е. это право, существ-

¹ Речь идет о романах Евгения Замятина «Мы», Джорджа Оруэлла «1984», Олдоса Хаксли «О дивный новый мир» и повести Рэя Брэдбери «451 градус по Фаренгейту».

² Донскис Л. Влада і ува. Студії з питань політики та літератури / пер. з англ. О. Буценка. Київ, 2012.

³ См.: Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества / пер. с англ. Д. Узланера, М. Маркова, Д. Раскова, А. Расковой. М., 2011. С. 19.

ующее в условиях общественного строя, называемого антиутопией в противоположность идеальным социумам «Утопии» Т. Мора и подобных произведений. Во-вторых, имея в виду проблему правопонимания, мы полагаем все же возможным применять в данной ситуации именно понятие и термин «право», так как речь идет о литературной, виртуальной социальной реальности, живущей по своим внутренним закономерностям, не обязательно совпадающим с закономерностями «нашей» социальной реальности. Кроме того, попытка заменить это понятие на какое-либо другое (например, «официальная властная регуляция») приведет не только к неточностям (поскольку в ряде философских систем даже такое право будет считаться действительным), но и к ослаблению главного изобразительного эффекта антиутопических романов, которым для нас является описание путей развития правовой системы в условиях различных форм тоталитарности.

Доминантной проблемой антиутопических произведений выступает наступление на человеческую свободу и индивидуальность со стороны государства и общества в целом. Хаксли в «Возвращении в дивный новый мир» писал, что тема романа — это свобода и ее противники¹, а И. Берлин называл Хаксли одним из освободителей человеческого разума². И право антиутопии можно рассматривать как способ публичного определения и нормирования такой несвободы в противовес современному западному правопониманию, которое в неопозитивистском варианте, а также в ряде позитивистских парадигм (за некоторыми исключениями и с рядом оговорок) прямо или опосредованно видит одной из задач права гарантирование свободы и автономности индивида путем закрепления и обеспечения основных прав (кстати говоря, эта мысль, высказанная еще А. Дайси, вместе с идеей об ограничении государственного произвола и образует доктрину верховенства права — одну из базовых европейских ценностей³).

Антиутопическое право как мера несвободы может рассматриваться в двух измерениях: социальном и собственно юридическом. Социальное измерение отражает цели и ценностные ориентации права как разрушителя свободы. Правовое регулирование (в частности, и ре-

¹ См.: Хаксли О. Возвращение в дивный новый мир / пер. с англ. Е. Д. Сыромятниковой, И. В. Головачевой. М., 2011. С. 27.

² См.: Берлин И. История свободы. Россия / пер. с англ.; предисл. А. Эткин. М., 2001. С. 23.

³ См.: Дайси А. Вступ до вчення про право конституції // Антологія лібералізму: Політико-правничі вчення та верховенство права / упор.: С. Головатий, М. Козюбра, О. Сирод. Київ, 2008. С. 511—530.

прессивного характера) проникает во все сферы человеческой жизни, включая и те, которые в демократическом светском обществе считаются неподлежащими публичному нормативному воздействию (чувства, эмоции, внутрисемейные отношения, любовь, секс, чтение книг, эстетические предпочтения и т. д.). Д-503 (герой «Мы») описывает свободу как состояние дикости и варварства, которому противопоставит «инстинкт несвободы», издревле присущий человеку и наконец пробудившийся. Он восхищается искусством танца, которое предполагает несвободные движения, «абсолютную, эстетическую подчиненность, идеальную несвободу». Главноуправитель по Западной Европе Мустафа Монд в романе Хаксли сравнивает свободу с «правом быть неудачником и горемыкой». Противопоставление свободы и счастья использует и Брэдбери. В «1984» Оруэлла новый язык (новояз) Океании оперирует словом «свобода» только в высказываниях типа «свободные сапоги» или «туалет свободен», выражения же «политическая свобода», «интеллектуальная свобода» и т. п. просто бессмысленны.

При этом право — это именно мера несвободы, определяемая принадлежностью к той или иной социальной или социально-биологической (как у Хаксли, что выступает еще и предвидением актуальной сегодня дискуссии о правах человека в сфере медицины и генетики) группе. Наиболее свободными, по понятным причинам, являются носители публичной власти, имеющие доступ к запрещенной деятельности и вещам, не подлежащие визуальному контролю и т. п., а также социальные аутсайдеры (пролетарии (пролы) у Оруэлла, дикари у Хаксли и Замятина, бродячие «люди-книги» у Брэдбери), по каким-то причинам (или до какого-то момента) не интересующие государство.

Интересны и пути восприятия правом идеологии несвободы. Для Оруэлла и Замятина это происходит в результате внешнего воздействия со стороны пришедших к власти сторонников соответствующего общественного проекта. Иными словами, и в «1984», и в «Мы» несвободное право возникает как следствие революции, тотального слома предыдущей правовой традиции. Оруэлл явно противопоставляет описываемую действительность старой Англии, основанной на идеале свободы, и ирония еще и в том, что именно английское право, в отличие от континентального, считается не испытавшим революций вообще (с этим связано и название главного труда Г. Дж. Бермана о развитии континентальной традиции права «Право и революция»¹).

¹ Berman H. J. Law and Revolution. The Formation of the Western Legal Tradition. Cambridge, 1997. (Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования / пер. с англ. Н. Р. Никоновой при участ. Н. Н. Деева. 2-е изд. М., 1998.)

В то же время у Хаксли и Брэдбери этот переход относительно ненасильственен и представляет собой эволюцию самой правовой системы, выбравшей в какой-то бифуркационной точке подобный путь развития. Более того, в «451 градус по Фаренгейту» брандмейстер Битти (начальник пожарной команды, сжигающей выявленные у населения книги) описывает возникновение запрета читать и хранить книги тем, что каждое произведение может нарушить права определенной социальной группы («Хижина дяди Тома» неприятна белым, «Маленького Самбо-негритенка» не любят цветные). Тем самым Брэдбери предугадывает ощущаемый сегодня западными обществами парадокс свободы и демократии, когда расширение и даже абсолютизация прав на определенном этапе оборачивается их нивелированием, т. е. несвободой (на уровне моральных ценностей вообще об этом ярко пишет Л. Колаковский¹).

Юридическое измерение антиутопического права позволяет увидеть правовой инструментарий, используемый для установления несвободы. Здесь важны три момента: правила несвободы, публичность права и его неопределенность. Первый момент подразумевает внесение в систему права правил, направленных на ликвидацию свободы: отмена свободы мысли и слова; максимальное ограничение свободы выбора, передвижения (обязательный распорядок дня, постоянный комендантский час у Оруэлла и Замятина), а также упразднение институтов, обеспечивающих автономию индивида (отмена семьи у Хаксли, уничтожение любых горизонтальных, созданных «снизу» объединений в «1984» и «Мы»).

Любопытным в этом смысле является соотношение права и религии. С одной стороны, свобода вероисповедания (концептуально первое право человека, по мнению Ю. Хабермаса²) не признается, а религия либо под запретом, либо оттеснена на обочину общественной жизни (один из персонажей Брэдбери сравнивает Христа с мятым леденцом, имея в виду выхолащивание христианства до состояния лубочных картинок). С другой стороны, право антиутопии использует потенциал авторитарности, императивности, свойственный религиозному регулированию, и в этом смысле не является в полной мере секуляризованным с учетом того, что речь идет не о возврате к традиционной религиозности, а о создании новых квазирелигий (по аналогии с тоталитарными идеологиями и практиками XX в.), в центре которых новый бог — Левиафан, государство, ставшее уже не в перенос-

¹ См.: Колаковский Л. Похвала неконсеквентности, або Як бути консервативно-ліберальним соціалістом: есеї / пер. з англ. і польськ. Б. Матіяш. Київ, 2012. С. 42.

² См.: Хабермас Ю. Между натурализмом и религией. Философские статьи / пер. с нем. М. Б. Скуратова. М., 2011. С. 237.

ном, а в буквальном смысле гегелевским «шествием Бога на земле»¹. Отсюда и описание абсолютно религиозного по характеру поклонения Старшему Брату или Благодетелю, чьи решения, самые противоречивые, жестокие и неправильные, априори являются истинными и гуманными. Можно вспомнить яркий образ соседа Уинстона (героя «1984»), человека, используя образ Л. Болтански и Л. Тевено, с «постоянно закрытыми глазами»², который, попав в тюрьму по доносу своих детей, продолжает возвеличивать мудрость Старшего Брата, или оратора на митинге в поддержку войны, без секундной остановки клеймящего нового врага, который еще минуту назад был союзником. Л. Камфора видит в этом эпизоде намек Оруэлла на смену внешнеполитического курса СССР, когда последний внезапно отказался от переговоров с западными странами и заключил соглашение, получившее название «Пакт Молотова — Риббентропа»³. Хотя на самом деле образ Оруэлла может иметь и несколько иную, более широкую основу. Достаточно вспомнить, как в советской прессе времен сталинских репрессий вчерашние герои, мудрые руководители, проверенные коммунисты (например, Николай Ежов, Генрих Ягода) внезапно превращались во врагов народа, шпионов, вредителей, прихвостней Запада и т. п. И журналисты, внезапно менявшие тональность в описании определенных событий и персоналий, делали это не менее виртуозно, чем оратор из «1984».

Наличие многочисленных запретов и обязанностей делает систему права практически полностью публичной. Если Хаксли и Брэдбери подразумевают существование каких-то частноправовых отношений, то идеократическое общество Оруэлла и Замятина может сохранить диспозитивное регулирование разве что случайно. В свою очередь, усиление роли публичного права влечет умаление юридической профессии, так, большая часть юристов сосредоточена именно на сфере частного права. В антиутопиях вообще не встретишь ярких образов специалистов в праве, за исключением полицейских, которые, кстати, в понимании европейской традиции образования юристами не являются.

Кроме того, право является максимально неопределенным. До предела эта логика доведена в «1984», где отсутствуют любые четкие

¹ Гегель Г. В. Ф. Основы философии права, або Природне право і державнознавство / пер. с нім. Р. Осадчука, М. Кушніра. Київ, 2000. С. 216.

² Болтански Л., Тевено Л. Критика и обоснование справедливости: Очерки социологии градов / пер. с фр. О. В. Ковеневой; науч. ред. перевода Н. Е. Копосов. М., 2013. С. 117.

³ См.: Камфора Л. Демократия. История одной идеологии / пер. с итал. и примеч. А. Миролюбовой. СПб., 2012. С. 261.

правовые процедуры (суд — это не правовая процедура, а мистерия, ритуал с заранее известным результатом) и сроки, а также нет никаких писанных источников права, в том числе касающихся юридической ответственности. Как следствие, индивид не может ошутить постоянных нормативных рамок своего поведения, что также является формой несвободы.

Подводя итог изложенному, отметим, что жанр антиутопии — это не только способ получить свою собственную «прививку» от тоталитарного опыта XX в., хотя он (жанр), безусловно, актуален и массово воспринят именно в этом смысле. Для нас, однако, важно несколько иное. Антиутопические миры представляют собой очень яркие и предельно конкретные виртуальные модели, которые, пусть и достаточно условно, позволяют увидеть векторы гипотетической эволюции права в условиях монистического общества, подавляющего любые проявления индивидуальности и свободы. Это важно уже и потому, что юриспруденция, как и почти всякая социальная наука, очень ограничена в возможностях использования моделирования или эксперимента в качестве методов познания.

Правомерность подобного утверждения (о возможности рассматривать антиутопическую литературу как модель государственно-правовой действительности) можно проиллюстрировать тем фактом, что ключевые произведения данного жанра (в том числе и рассмотренные нами) никогда не воспринимались исключительно в качестве литературных текстов. Они и сегодня продолжают рассматриваться как попытки философского осмысления действительности, охватывающие сферу аксиологии общественной жизни, философских проблем права, политики, истории и т. д.

Изучение антиутопического права дает также интересный материал в аспекте вечной дискуссии о правопонимании. Не следует думать, что антиутопия — это предупреждение против юридического позитивизма. Как известно, в основе и якобинства, и коммунистической идеи, давших немало концептуальных решений и эмпирических примеров для романов-антиутопий, лежала в том числе и мысль о необходимости соответствия права некоему внеправовому критерию (от абстрактного естественного права, понятого в духе социальной физики, до воли доминирующего класса). Скорее мы можем увидеть, что, доведенные до предела (главный литературный прием антиутопий), и позитивистская идея об отсутствии необходимой связи между правом и моралью (как у Оруэлла), и юснатуралистический подход с его (в радикальных вариантах) пренебрежением юридической формой и процедурами во имя утверждения определенных, признанных обще-

ством или его элитой идеалов (как у Хаксли) ведут, пусть и разными путями, к тоталитаризму.

Кроме того, существен и еще один момент. Футурологические исследования (например, «Мир в 2050 году» под редакцией Д. Франклина и Дж. Эндрюса¹) опровергают предначертанность и даже достаточность демократии для сохранения свободы. И в этом смысле угроза превращения антиутопии (особенно «дивного нового мира» Хаксли) в реальную действительность (пусть, как писал К. Поппер, и в какой-то мере²) продолжает быть актуальной, в том числе и как возможный государственно-правовой проект будущего. Проект, в котором право — это мера человеческой несвободы.

А. Н. ОСТРОУХ,

кандидат юридических наук, доцент
(Эдинбург)

Джордж Оруэлл о тоталитарном праве

В рассуждениях об идеальном обществе и государстве имеются два литературных направления, схожие в художественных характеристиках, но различные по идеологическим целям: утопия и антиутопия. Если утопия превозносила и восхваляла проектируемый общественный и государственный строй, то в антиутопии внимание авторов сосредоточивалось на негативных чертах «идеальных» государств и их недостатках и они предостерегали людей от воплощения абстрактных идей в реальную жизнь.

Утопия как особый жанр политического произведения появилась на самых ранних этапах развития человеческого общества и сопровождает его вплоть до сегодняшнего дня. Значительно позже наряду с утопическими произведениями появляются и работы антиутопического характера. Можно вспомнить описание идеальной страны гугингмов из «Путешествий Гулливера» Дж. Свифта, антибентамовскую утопию русского писателя В. Ф. Одоевского «Город без имени». Однако особую популярность антиутопия приобрела только в XX в., поскольку именно в это время стала возможной реализация самой дерзкой утопии, появились первые попытки построения идеальных государств, пронизанных единой идеологией и стремящихся к реализации заветной цели. Но следует назвать и еще одну причину, послужившую толчком к возникновению антиутопических произведений. Это повсеместная индустриализация, охватившая передовые страны того времени. Автоматизация производства, технические усовершенствования и изобретения, бурное развитие средств массовой информации с неизбежностью вызвали к жизни возможность манипулирования человеческим сознанием, нивелирования индивидуальности и формирования усредненного человека. Не случайно в большинстве антиутопических произведений для реализации установок правящей элиты привлекаются всевозможные технические средства и устройства (телекраны, гнезда памяти¹; интеграл, аэро²; вертопланы, инкуба-

¹ Мир в 2050 году / под ред. Д. Франклина, Дж. Эндрюса. М., 2013. С. 168—185.

² См.: Поппер К. Р. Открытое общество и его враги: в 2 т. Т. 1: Чары Платона / пер. с англ. под ред. В. Н. Садовского. М., 1992. С. 162.

¹ См.: Оруэлл Дж. «1984» и эссе разных лет. М., 1989.

² См.: Замятин Е. И. Мы. М., 1996.